

ГОРЬКИЙ — И. Е. ВОЛЬНОВ

Иван Егорович *Вольнов* (Иван Вольный, 1885—1931) с юных лет принимал участие в революционном движении. В июне 1908 г. во время попытки застрелить мценского исправника был арестован. С 1908 по 1910 г. находился в заключении в Орловском центральном. По приговору военно-окружного суда был сослан в Сибирь, откуда бежал за границу, в Швейцарию, вскоре переехал на Капри, где познакомился и сблизился с Горьким. В автобиографии Вольнов подробно рассказывает о большой помощи, которую ему как начинающему литератору оказал Горький (см. Л. М. Клейнборг. Очерки народной литературы (1880—1923). Л., 1924, стр. 149).

27 октября 1913 г. Горький писал о Вольнове Ф. И. Благову: «Вольнов — человек даровитый, серьезно работающий над собой, мне кажется, что он способен в будущем дать литературе русской вещи очень значительные» (АГ).

27 декабря 1913 г. Горький покинул Капри, но не прекратил дружеской связи с Вольновым, оставшимся в Италии. Начинается интенсивная переписка. Горький продолжает следить за творческим развитием Вольнова.

После Февральской революции Вольнов получил возможность вернуться в Россию. В ниже публикуемых письмах к Горькому Вольнов делится своими впечатлениями и планами, касающимися новой деревни.

В ответных письмах отразились взгляды Горького на русское крестьянство, связанные с его идейно-политическими ошибками первых лет революции. Впоследствии Горький пересмотрел свои взгляды (см. очерк «В. И. Ленин», а также публикуемое в этом томе письмо Горького к А. Н. Афиногенову от апреля 1933 г.).

В годы гражданской войны Горький привлек Вольнова к работе по охране памятников искусства, а в 1928 г. — к участию в журнале «Наши достижения». Очерк Вольнова «Мужицкая артель», написанный для первого номера «Наших достижений», был признан редакцией образцовым за простоту, ясность и живость изложения.

В 1928 г. Вольнов по приглашению Горького приехал в Италию. 19 января 1929 г. Горький сообщал Е. П. Пешковой: «Вольнов Иван работает с утра до поздней ночи, вижу его только за обедом, завтраком. Утверждаю — парень хороший» (АГ). В Сорренто Вольнов пишет повесть «Комиссар Временного правительства» (12 глав этой повести опубликованы под названием «Возвращение». См. Ив. Вольнов. Избранное. М., Гослитгиздат, 1956).

В 1931 г. после смерти Вольнова Горький написал очерк «Иван Вольнов» (т. 17).

Ниже публикуются три письма Горького и семь писем Вольнова.

1

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Капри, 5/18 января 1912 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Я просмотрел 1-ю часть ¹. Сейчас, когда над нею пришлось все время торчать, недостатки и промахи расплозились. В корректуре, вероятно, придется кое-что еще исправить.

Вчерашний день думал над 2-ю частью ². Чувствую, что вы толкнули меня на *настоящую* дорогу; первые главы будут: жизнь в рабочих у кулака, в городе перед героем пройдет: — купец, чиновник, военный, интеллигент, рабочий, босяк, городская девушка и женщина (по одной

из «верхов» и трудовой среды) и еще кто-нибудь. Чем закончится 2-я часть — не знаю. Пока это — не важно. Ко всему и везде герой будет подходить с *мужицкой* точки зрения и с *мужицкой* оценкой. Боюсь: удастся ли быть объективным и вообще — осилю ли. Чувствую минутами, что — да, а минутами — трушу.

Шлю вам свой сердечный привет и крепко жму руку.

18 — 1 — 12.

И. В.

Забыл еще об одном: рассказ об «Анне Володимировой»³ я оставил там же — во 2-й главе, п(отому) ч(то), мне так показалось — если пересадить ее в другое место, нарушается вся 2-я глава и создается окрошка. Так, как есть, — тоже окрошка, но тогда будет хуже.

И. В.

¹ Речь идет о первой части «Повести о днях моей жизни». Публиковалась в журнале «Заветы», 1912, №№ 1—3, под названием «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях. Детство».

² Вторая часть — «Отрочество» публиковалась в «Заветах» 1912, №№ 4, 6, 8 и 9.

³ Рассказ об «Анне Володимировой» составляет вторую главу первой части повести.

2

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

(Капри. 23 июля/5 августа 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Что мне делать? Я вам уж сказывал, что Миролюбов возвратил мне рукопись обратно для сокращений¹. По надписям на тетрадях и различным отметкам видно, что рукопись была разбита им на три книжки, но потом он, очевидно, передумал и написал мне так: «Ив(ан) Егор(ович), батюшка, посократите и немедленно пришлите глав 5 к этому №... Хотел пустить две главы, но скучно и малосодержательно. Желательно, чтобы в каждом листе было что-нибудь значительное в фактах и в освещении их... и т. д. Пять дней и ночей без перерыва я работал, спешил, из 74 стр. сделал 53 и вдруг получаю открытку: «В последних главах есть сильное, перенесите часть его в первые главы. Дайте нечто значительное, а то прислали 4—5 листов с Сухоручкой... А то в газетах пишут, везде хвалят, а он и раскис»... и т. д. Я ему ответил, что я сделал так, как он сначала советовал, т. е. сократил первые пять глав, а теперь не могу переставить задние главы наперед, т(ак) к(ак) сдал рукопись на почту одновременно с открыткой от него. Написал, кроме того, что в дальнейшем буду еще щепетильнее по отношению к многословию и т. д. и всеми силами буду стараться, чтобы вещь читалась с интересом. Он ответил: «Приходится печатать гораздо менее интересное и малоразработанное в художественном отношении. Это меня не радует, и я боюсь, как бы и дальнейший присыл не опечалил нас. Мне не хочется стеснять вас, и я жалею, что не дал вам закончить всю работу. Но ведь вы же будете жить на это, а то как бы вы просуществовали. Нужда...» За тот период, когда я сокращал и обрабатывал дальнейшее, мною было получено еще несколько открыток с советами: «Не растягивайте, что может лопнуть. Работайте и верхним концом вниз — не нужно. Иначе будут писать в газетах, что «что касается г. Вольного, то он весь выдохся на своем „Детстве“...» Жаль такое обещающее начало. Необходимо в каждом листе что-либо характерное». На «обещающие начала» и на то, что скажут в газетах, я, конечно, не обращал внимания, но, переписывая продолжение, вывертывал у себя суставы, рвал уши, рвал ноздри, поднимал на дыбу, одним словом делал все, чтобы «расшибиться» и «угодить»... В такой же мере, как и предыдущие пять

И. Е. ВОЛЬНОВ

Фотография с дарственной надписью:

«Дорогой Екатерине Павловне
Ив. Вольнов. Спбг 10—IX, 914»

Собрание Е. П. Пешковой, Москва

глав, я сократил дальнейшее чуть не на $\frac{1}{3}$, но, посылая это Мир(олюбо)ву, имел неосторожность обмолвиться: тем лицам, которые читали или слышали это (имея в виду Алексеича ², вас и Силыча ³), — всем более или менее нравится... Открыткой он мне ответил: «Не пишите мне: всем нравится. Это не может изменить моего искреннего мнения»... А сегодня вот, через день после открытки, я получил обратно 2-ю часть отрочества (первые пять глав он удержал при себе) с такою надписью: «Я сделал ошибку, что начал „Отрочество“, не имея конца. Не хотелось вас огорчить, а теперь вижу, надо обождать конца. Пришлите все „Отрочество“, тогда начнем печатать. Еще раз сожалею, что, показав мне один вариант с сестрой и товарищами, вы прислали в печать Шаврова⁴. Если и послед(ий) представит мало интереса при полной художественной незаработанности и при растянутости, печатать в осенних книжках будет трудно. Посидите, поработайте, потрудитесь и обратите внимание на мои слова»...

Что же делать, Алексей Максимович? Пожалуйста, посоветуйте, а то у меня голова кругом идет. У человека на неделе семь пятниц, как к нему приноровиться и *нужно ли это?*⁵

Крепко вас любящий Ив. В.

5—VIII—12.

¹ Речь идет о второй части «Повести о днях моей жизни» — «Отрочестве». В. С. Мирлолюбов заведовал литературным отделом журнала «Заветы».

² Алексей Алексеевич Золотарев (1878—1950).

³ Алексей Силыч Новиков-Прибой (1877—1944).

⁴ Речь идет о XVI главе «Повести о днях моей жизни».

⁵ Позже, в автобиографии, Вольнов вспоминал о Мирлолюбове: «После Горького много, премного сделал для меня В. С. Мирлолюбов. Горький слишком мягко отнесся ко мне, часто во вред мне. Теперь я так думаю об этом. Тогда, быть может, это так и было нужно. Мирлолюбов был суров. Учась писать, я был между ласковой матерью — Горьким и суровым, но справедливым наставником — Мирлолюбовым» (Л. М. Клейнборт. Очерки народной литературы (1880—1923). Л., 1924, стр. 149).

3

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Таормина. 23 сентября 1912 г.〉6—IX—12

Шлю вам, Алексей Максимович, привет из Таормина. Хорошо тут. Пока еще отдыхаю от дороги. Завтра начну осматривать старину, которой здесь порядочно.

Привет от Шуры¹.

Будьте здоровы.

Ив. В.

Датируется по почтовому штемпелю. У Вольнова описка в дате.

¹ Сарра Григорьевна *Гольдберг-Вольнова* — первая жена Вольнова.

4

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Таормина. 26 сентября〉9—X—912.

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера я получил письмо из Сибири, где, между прочим, говорится: «В Тулуве (Иркутск〈ой〉 губ〈ернии〉) есть ссыльно-поселенец, бывший офицер. Кажется, уже в ссылке он ударился в писательство. Есть некоторый талант. Пишет в сибирских газетах (Томской и Иркутской). Рассказы по содержанию — разнохарактерны. Пытался писать более или менее крупные вещи, но в газетах их растягивают по многочисленным №№ или страшно урезают, что очень портит их. Ему хочется попробовать печататься в «толстом» журнале. Спросите, пожалуйста, у Горького, — не может ли он посодействовать ему в этом, предварительно, конечно, ознакомившись с его рассказами. Его фамилия Добров; когда-то, по его словам, он был знаком с Г〈орьким〉».

Я думаю написать ему, чтобы он прямо прислал на ваше имя, не так ли?

На всякий случай я попрошу того человека, который мне пишет, поискать там, кроме того, хорошего, толкового парня, *отлично* и более или менее всесторонне знающего Восточную Сибирь. Возможно, что такой человек там найдется, а он бы, мне думается, был бы полезен для «Современника»¹.

Когда у вас подвернется свободное время, отметьте, пожалуйста, неудачные места в моем рассказе «Осенью»² и перешлите мне; я его еще раза 2—3 перепишу. Не забудьте упомянуть: окажется ли он подходящим для «Современника» или его необходимо сплавить в какой-либо другой журнал, а для «Современника» написать другое — «светлое», как выражается Е. А. Ляцкий³.

Вчера полдня просидел на развалинах греческого театра. Эх, да и хорошо, Алексей Максимович!

Вообще здесь *необыкновенно* красиво. Вид на окрестности непередаваемый. Бесчисленное множество древностей — дворцов, стен, башен, ворот... На горах, как орлиные гнезда, замки норманнов, развалины монастырей бенедиктинов, доминиканцев, еще сохранились следы от арабов, сарацин и т. д. и т. д. Сам по себе городок — незначительный, расположен на горе, основан еще греками за 400 лет до Р. Х. Немного портит бесчисленное множество самых разнообразных отелей. Местный климат — один из лучших в Сицилии зимой, поэтому, начиная с декабря, немного ранее, и до марта сюда приезжает масса англичан и американцев. О русских жители почти не имеют представления.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Крепко жму вашу руку.

Ив. В.

Мой адрес: В. Casperovitch. Taormina (Sicilia). Poste restante.

¹ С осени 1912 г. до апреля 1913 г. Горький руководил литературно-художественным отделом журнала «Современник».

² «Осенью» — рассказ об Орловском центре. — Сборник «Энергия», 1914, № 2, стр. 149—172.

³ Евгений Александрович *Ляцкий* (1868—1942)— критик и литературовед. С 1912 г. редактор журнала «Современник».

5

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬНОВУ

(Москва, 28 января 1921 г.)

Простите, милый Иван Егорович, но, на мой взгляд, ехать жить в деревню теперь — совершеннейшее безумие. Нимало не сомневаюсь, что работать там вы не сможете, — подумав, вы согласитесь, что в этом я прав. А если бы — чудом каким-то — вам и удалось нечто написать — у вас снова отнимут и уничтожат рукописи или они сгорят, вместе с избой и последними штанами литератора Вольного¹.

Наивно думать, что какая-то «охранная грамота» оградит вас от глупости, дикарства и гнусенького зверства русской деревни. Таких грамот в природе нет и долго еще не будет, — т<о>е<сть> их вообще не должно быть. Бумага — кем бы она ни была написана, и какие бы печати ни стояли на ней — не предохраняет черепа от удара колом или кирпичом. Гораздо практичнее всяких грамот в кармане — чугунный котел на голове.

Бросьте, сударь, все эти деревенско-истерические наивности ваши и приезжайте в тихий, полуживой, пустынный городок Петроград, где вы можете взять себе для жительства пятиэтажный дом и работать там-то без помех, в чистоте и тишине. Ни мышей, ни тараканов, и даже мухи редко залетают в такие дома, а если и залетит какая, — то совершенно бескорыстно, ради любознательности. А возвращаясь к деревне, скажу вам: да погибнет она так или эдак, не нужно ее никому, и сама себе она не нужна. Вы знаете, что я плохой марксист, и эти мои слова не «с точки зрения», а из опыта, от многих, тяжелых дум над судьбами русского народа.

Бросьте, дружище, деревню и напишите хороший рекем в память о ней².

Вы поступите вполне разумно, если, крепко засев в тихий угол, начнете солидно работать, — это необходимо для вас и давно пора.

А болтаясь по земле, растеряете вы все накопленное в душе или слушаете все, или укукошат вас случайно, а то — шутки ради.

Жму руку. Крепко.

Будьте здоровы. И пошлите деревню ко всем чертям.

28.1.21. Москва.

А. Пешков

¹ В 1919 г. местными орловскими властями Вольнов был арестован. Благодаря вмешательству В. И. Ленина он был освобожден. Во время ареста у Вольнова был взят весь его архив, в котором находились рукописи романа «Северные огни», хроники «Огонь и вода» и ряда рассказов. Рукописи не сохранились.

После освобождения Вольнов уехал на борьбу с тифом в Самару. Впечатления от этой поездки отразились в повести Вольнова «Встреча».

² В этом письме концентрированно выражено то недоверие Горького к социальному разуму крестьянских масс, которое в 1917—1918 гг. заставило его усомниться в возможности победы социалистической революции. Вспоминая в очерке о В. И. Ленине, о своих настроениях первых лет революции, Горький писал: «Для большей ясности скажу, что меня всю жизнь угнетал факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций». И далее: «Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался. Эту страницу моих воспоминаний следовало бы вычеркнуть. Но — «написано пером — не вырубишь топором». К тому же: „на ошибках — учимся“ — часто повторил Владимир Ильич. Пусть же читатели знают эту мою ошибку» (т. 17, с. 25).

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

Куракино. 10 янв<аря> 1925.

Милый, дорогой Алексей Максимович, здравствуйте!

Сейчас получил от Шуры¹ письмо с вашим адресом, захотелось написать вам, поблагодарить за внимание к сыну² (и к ней). Я тоскую по нем (основательно), но такая интересная жизнь в России, в деревне, что все собираюсь приехать в Италию, повидать его, может быть, взять с собой и — не могу, нет времени, возможности. Я все еще не уехал из Куракина; конечно (как вы и предсказывали) не пишу, за исключением нескольких рассказов (часть их оказалась нецензурными), — все время путаюсь с мужиками, омужичился, одичал, обовшивел и т. д., но жизнь полна и радостна, — еще бы мне прожить сто лет!.. И убивать меня хотели, переживал тысячи мелких, нудных, дрянненьких неприятностей — этих сереньких, липких, — и все это — чепуха, глупость, даже кирпич в голову — глупость, главное — в деревне ледоход, ломка, скоро весна. И знаете, ломка страшная, ломка духа и навыков, быта, основ «рассейских». И радостно, что она происходит не «по мановению жезла» деревенских дураков, уголовщины, а прет из нутра, из земли, из костей мужицких. Это хорошо!... Даже не знаю, как сказать, как это хорошо.

Мне думается, только *теперь* начинается революция в деревне в форме сознательного отношения к жизни, человеческого, не скотского, подлого, пропитанного подленьким, жадненьким, мужицким, с подленькой хитрецей, себялюбием, переоценка идолов-китов, на которых покоилась хамоватенькая и несчастная мужицкая душа. Из грязной вонючей шерсти вырастает человеческое лицо. Или, правильнее: отмирает, гниет, «ползет чулком» грязная, вонючая шерсть с мужицкого лица, а из-под нее выявляется человеческое лицо, — хорошее, милое, радостное, близкое, братское. И жить с ними, и работать — со вновь к жизни рождающимися — (экую дурацкую фразу наляпал!) — жить сейчас с ними и работать — радостно.

Я знаю, если бы я отдал свои силы городу, рабочим, я сделал бы в десять, сто раз больше для жизни, ну, а с мужиками-то кому же жить? Или — реквием, как вы советовали, и — да погибнет? ³ Я мучился над этим 4 года. Слишком больно задело меня это в вашем письме. Проверял, проверил. Много жестокой, страшной правды в словах ваших. Разумом — да, да погибнет, *теперь* сам подтолкну в петлю (падающего подтолкну — по Пруткову), а сердце кричит: да воскреснет из мертвых! Да возрастут цветы на трупе!.. Милый Алексей Максимович, ведь я же сам мужик и шкуры своей мужицкой (и души) со всеми плюсами и минусами не сумею сбросить, даже если бы я и два зуба золотых себе вставил, и брился бы ежедневно, и говорил: «Мерси, мадам, очень вами доволен».

Скоро год, как меня перестали травить. Лишь изредка «шпыняют». А я плюю на все это. Лотошу, копаюсь, огрызаюсь и кое-что и кое-как делаю. А больше всматриваюсь, вслушиваюсь, внюхиваюсь, во все дыры сую свой нос. «Огарнизовал» общественную обработку земли ⁴, настряпал разных товариществ: машинное (для коллективного пользования сельхозоказывательными машинами), по животноводству, коневодству, мелиоративное, семенное, кредитное, с «сельско»хозяйственным — чёрт их знает сколько! Везде мало работаю, только лотошу, а они все-таки живут, орудуют, развиваются, аттестаты получают из Орла, в газетах про нас пишут, — мнут, дают косность, хамство, сближают... ей-богу, я чужую, ворованную фразу написал раньше: «еще бы сто годов пожить!» — так некоторые мужики говорят из товариществ.

Милый, родной Алексей Максимович! Не умерла, не умрет Русь, из мук, из крови, из грязи, из слез вырастет краснощекая здоровеннейшая бабища <...>

Плохо одно: тянет писать. Во сне даже снится: пишу, пишу. А времени нет. И условия дрянные — в хате с утра до ночи мужики, как на постоялом дворе. Я для них вроде помойной ямы, куда они несут свои болячки, гной, блевотину, горе и сваливают на мою голову. А русская человечина (не мне вам говорить) любит это до судорог — поплакаться, покуситься... Я иногда слушаю — слушаю и — матом как начну строчить... Глаза вылупят, замолчат. Как дети или — как бараны. Или — я перед ними баран, которого задержали, не разберешь.

Обнимаю вас крепко. Привет и поцелуй Максу ⁵.

Найдется время (и охота), черкните, буду рад очень ⁶.

Адрес: Почт. отд. Куракино, Орлов. губ.

Ив. Вольнов

¹ См. прим. к письму 3.

² Илья Иванович Вольнов — сын Вольнова, родился в Италии в 1913 г.

³ См. письмо 5.

⁴ Вольнов был первым председателем колхоза, который после его смерти назвали его именем.

⁵ Максим Алексеевич Пешков.

⁶ Горький 22 января 1925 г. сообщил Е. П. Пешковой: «Получил интересное письмо от Ив. Вольного. Молодец парень» (АГ).

7

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬНОВУ

<Сорренто. 23 января 1925 г.>

Дорогой мой Иван Егорович,

очень обрадован вашим письмом, а еще больше тем, что оно такое бодрое: письмо человека, который верует в людей и видит смысл жизни, потому что сам творит ее. Люди, которых я изредка вижу здесь, уже не могут ни любить, ни веровать, ни сомневаться, они притворяются, что еще в силах ненавидеть, но, в сущности, не разучились только ныть и жаловаться, что, впрочем, и раньше делали весьма умело.

О том, как живет Русь и, главное, русская деревня, я кое-что знаю, читая московские газеты, письма знакомых, рассеянных по всему пространству между четырех морей, по рассказам заезжающих ко мне людей: Рыкова, Красина и др. Но и здесь интересно наблюдать, как люди медленно, но неуклонно сжимаются в крепкий кулак, — уже не далек день, когда кулак этот начнет бить. Самое печальное в вашем письме — это то, что вы не занимаетесь литературой. Это — жалко! Я читал ваши вещи в «Красной нови», в «Недрах», писать вы стали значительно лучше, чем раньше писали ¹. Сколько ценнейшего могли бы вы дать, имея такой запас впечатлений. Вы не очень «литератор», а в наше время это особенно хорошо и важно.

На праздниках был у меня Илья! Сын ваш — хороший человек, вас можно поздравить! В нем, полностью, есть все, что требуется его возрастом, но, кроме этого, он, по природе, талантлив, об этом говорит не только тот факт, что он легко и отлично учится в школе, а, главным образом, его наблюдательность, острота и гибкость ума, точность, с которой он усваивает все, что его интересует. Он уже читает Диккенса и очень толково. Вообще — мальчуган отличный. Тащить его в Россию сейчас — на мой взгляд — нет смысла, языка он не знает, здоровьем не крепок. И, притом, люди его типа везде на своем месте. И современная жизнь

езде одинаково напряжена, и ее нужда в талантливых людях везде так же велика, как у нас. Идается в Орле газета? Нельзя ли высылать ее мне? Был бы очень благодарен. Жизнь провинции интереснее московской, я это очень понимаю.

Итак — мужичок встает на ноги? На первой поре его воскресение из мертвых, вероятно, вызовет значительное понижение культуры, — подразумеваю — городскую. Балет, которым мы «завоевали Европу», наверное не понадобится ему. Большинство здешних мудрецов, с княжескими и другими титулами, особенно сокрушаются вопросом о будущем балета в России. Сие — почти правда. Полная же правда: эмигранты всех родов и партий — народ погибший. Уже. Если б вы знали, чем стал и как плохо пишет Бунин! А Куприн — свирепейший монархист! Каково?

Дорогой мой — пишите! Я буду писать вам — идет?

От всей души — всего доброго вам!

А. Пешков

23.I.25.

¹ Речь идет о следующих произведениях Вольнова: Деревенская пестрядь. — «Красная новь», 1923, № 2, стр. 306—315. Сход. — «Красная новь», 1924, № 2, стр. 237—245. В поезде. — Сб. «Недра», № 5. М., 1924.

8

ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 22.XII 925

Захотелось написать вам, дорогой Алексей Максимович, поделиться радостью. Третий месяц я в Москве и много работаю. В этом моя радость. Чувствую, что я вырос за эти годы. То, что я десять лет не писал, быть может, мне пойдет на пользу. Я теперь знаю, как *не надо* писать. С наслаждением читаю и перечитываю *старого* Бунина. За два месяца я как-то ухитрился награть повесть до 6-ти листов¹. Должно быть, где-то чирей прорвался. Над повестью надо будет поработать еще месяца два. На днях я уеду в деревню, — там тихо, закончу ее там, а потом, может быть, проберусь в Неаполь². Поехать мне давно хочется. Пожалуй, мне это будет на пользу.

Как интересно и хорошо сейчас жить в России, милый Алексей Максимович! Я, кажется, вылечился от слепой злобы, которая мешала мне прямо смотреть на жизнь и прямо и просто воспринимать ее. Как хорошо и крепко мы вращаемся в землю. Как с каждым месяцем будто меняется лицо русской земли. И особенно радостно глядеть на деревню, которую болезненно люблю со всею ее дикостью и хамством. Она растет и умывается — тупо, злобно или трогательно-наивно. Радостно чувствую напрасность страхов города (в частности ваши страхи), что деревня слопаёт революцию и город, потом отпрыгнет азиатской деспотией. Не будет этого. Старое кончилось. Старая деревня и старые деревенские люди злобно умирают. Туда им дорога. По-человечески их жалко, так же жалко, как белую эмиграцию, среди которой было много талантливых людей, но «в рассуждении полезности» это хорошо и нужно. На смену им идет молодежь. Путаюсь с ними, приглядываюсь, дружу. Много в них еще скверного, грубого, но здоровое пересилит. Не я, а они в это верят.

И здесь в Москве, в литературных кругах, этот новый деревенский дух так же остр. Нравственно здоровые, крепкие парни с упрямыми глазами. Люблю встречаться с ними. Как-то попросту сходимся. С первой, второй встречи говорят «ты». Как ребята в ночном. Gladков, Леонов, Волков³, Казин, Есенин, Клычков, Никандров, Дорохов⁴, Герасимов, Кириллов...

Много рассказывала мне Ек(атерина) П(авловна) об Илюшке⁵. Я рад, что он научился говорить по-русски. Вообще рад, что растет умная чело-вечина. Спасибо вам за внимание к нему.

Жму крепко руку вашу и обнимаю. Привет Максиму с семьей.

Ив. В о л ь н о в

¹ Речь идет о повести Вольнова «Встреча». — «Молодая гвардия», 1927, №№ 3, 4 и 5.

Горький в очерке «Иван Вольнов» так писал об этой повести: «Наша критика не обратила должного внимания на эту искреннюю и очень жуткую повесть, а она — один из наиболее ярких документов гражданской войны» (т. 17, с. 329).

² В Италию Вольнов поехал в декабре 1928 г.

³ Михаил Иванович *Волков* (1886—?) — писатель, крестьянин по происхождению.

⁴ Павел Николаевич *Дорохов* — прозаик, писавший о крестьянстве.

⁵ Е. П. Пешкова была в Сорренто с 12 сентября по 25 октября 1925 г.

9

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬНОВУ

⟨Сорренто. 29 апреля 1927 г.⟩

Дорогой Иван Егорович —

«Встречу» — до 4-й книжки включительно — я прочитал¹, разумеется — с величайшим интересом. Compliments вам говорить — не намерен: вы сами знаете, что вы — талантливый человек. Я нахожу, что талант ваш стал резче и крепче. В повести есть отличные страницы и фигуры, напр(имер) — реалистик, Недоуздкив. Мужиков вы пишете, пожалуй, как никто не умеет, есть что-то рубенсовское в их фигурах и есть бесстрашие пред уродливым, которым обладали только голландцы — Ван Остаде,

ВИЛЛА «ИЛЬ СОРИТО» В СОРРЕНТО. ЗДЕСЬ ГОРЬКИЙ ЖИЛ в 1924—1933 гг.

Музей Горького, Москва

например. Все это — так, и все это будет — наверное — и другими сказано вам. Дальше.

А дальше — вот что: литература для вас — не главное ваше дело, и это как-то чувствуется. Дело не в небрежности письма, не в том, что грубоватость ваша кажется — местами — нарочной, допущенной для того, чтоб скорее отделаться от трудного места, и не в том, что вы — иногда — не дописываете людей, картин, а в том, что, кажется, вам мешает нечто «изнутри», как будто недоверие к себе самому и, рядом с этим, небрежное отношение к человеку-читателю. Как будто слышишь: «Сожрет и так!» Вот каково впечатление мое. «Встречу» вы могли бы написать лучше, чем она написана; это вовсе не значит, что вы написали ее плохо. Нет, не плохо, но — не во всю силу. Силы же у вас — много.

Какого чёрта возитесь вы с артелями и вообще с каким-то сельскохозяйственным «делом»?² Я отнюдь не склонен сомневаться в огромном и даже решающем значении этого дела, но почему вы, оригинальный и очень талантливый писатель, должны тратить себя на это дело, а не на ваше дело? В нем вы более на месте, не говоря уж о том, что в нем вы — я уверен — больше дали бы. Тут я, очевидно, чего-то не понимаю. Раздвоенные ваше — загадочно для меня.

Очень хорошо сделано пение «Интернац(ионала)» мужиками. Недоузтков хорошо расстреливает, он вообще удался. Чисто написан мальчик красноармеец, эдаким житийным отроком. Сведете вы его с реалистом? Вам часто удается несколькими строчками дать вполне четкий образ, характер.

Затем: предисловие мне показалось лишним³. И от него на всю книгу падает как бы тень *личного* раздражения, личной мести.

Мне кажется, что художник — больше историк и лучше историк, чем специалист-историки.

Вот что я могу сказать вам о повести. Разумеется, это далеко не всё, но я хотел ответить, как можно скорей.

Крепко жму руку. Не теряю надежды видеть вас *только* писателем. Всего доброго.

А. Пешков

29.IV.27.

¹ См. письмо 8, прим. 1.

² В письме от 12 апреля 1927 г. Вольнов сообщал Горькому: «Увлекаюсь организацией сельскохозяйственных артелей, коллективных хозяйств. Прививаю многопольные системы севооборотов, „учу“ луговоеводство и т. д.» (АГ).

³ Речь идет о вступлении к повести Вольнова «Встреча», которую он посвятил честным людям, бывшим членам партии эсеров, и призывал их осознать свои ошибки. Он писал: «Я не зову вас перекрашиваться, — это самое бесчестное и постыдное, что только можно сделать. Ибо мы не сумеем искренно перекраситься: мы из другого теста, — я только призываю вас к мужеству осознания ошибок».

Куракино. 4.IV.28.

Душевно поздравляю вас, дорогой Алексей Максимович, с исполнившимся 60-тилетием. Пусть светлая жизнь ваша продлится еще долго — на пользу нам и в пример. Радостно горжусь, что я — ваш современник и ученик. Обнимаю вас крепко и жму ласковую руку вашу. Привет Максиму с семьей.

Ив. Вольнов